

За творческий союз науки и труда

«Раньше весь человеческий ум, все его гений», — говорил Владимир Ильич, — творил только для того, чтобы дать людям все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общедоступным достоянием... и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?»

Одавляя все силы на благо народа, советские ученые внесли неоценимый вклад в дело превращения нашей страны в могучую индустриальную державу. Штатная и дерзновенная творческая мысль, вдохновенная любовь к социалистической Родине, огромный труд, ценный опыт людей советской науки вложены в предпринятые социалистической промышленностью.

Сила советской науки — в ее организующей связи с жизнью, в ее непосредственном участии в социалистическом строительстве, в ее действительном сотрудничестве с практикой.

«Данные науки всегда проверялись практикой, опытом», — говорил товарищ И. В. Сталин. — Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом, — какается же это наука?.. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чуждо прислушивается к голосу опыта, практики».

Ярким примером тому может служить передовая советская биологическая наука. Активно участвуя в преобразовании природы и развитии сельского хозяйства, она всеми своими открытиями и победами обогатила живую связь с социалистическим земледелием, с колхозной практикой. Советскую биологию двигают вперед не только ученые, но и армия мичуринцев — поваторов сельского хозяйства.

Наши технические науки завоевывают все новые высоты, используя богатейшую практику сталинцев — новаторов социалистического производства. Ежедневно и ежечасно можно наблюдать исполнение глубокого значения факты содержания людей науки и труда, роста культурно-технического уровня рабочих и крестьян, постепенного сглатывания границ между физическим и умственным трудом.

Передовые рабочие и колхозники общаются с наукой, овладевают знаниями, рационализируют производственные процессы, выступают с лекциями и статьями, в которых обобщают свой практический опыт. И воспринимается, как естественное явление, что потемневшая ткачиха камвольной фабрики имени 10-й годовщины Красной Армии — знавшая станочница Мария Борина, и кузнец-новатор Копельского машиностроительного завода Яна Ваарака избираются в члены научного инженерно-технического общества. Слесарь авторемонтного завода Д. Прохоркин закончил Московский заочный институт металлопромышленности и получил диплом инженера-механика, слесарь завода имени Сталина Е. Добротин разработал дипломный проект «Универсальный стед для испытания автомобилей», получивший высокую оценку профессора. Ежегодно лучшим стахановцем — новатором социалистического производства наряду с выдающимися учеными, присваивается высокое и почетное звание лауреата Сталинской премии.

Все это — яркие проявления глубочайшей связи науки и труда, все это — черты нового, растущего коммунизма, который с каждым днем становится все более реально осязаемым, явственным, зримым.

Неиссякаема творческая инициатива народа, стремящего коммунистическое общество. Шарится и крепнет плодотворный союз передовой советской науки и социалистического производства. Все больших размах принимает непосредственная помощь деятелей науки работникам фабрик и заводов. Московский инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе оказывает практическое содействие инструментальному заводу «Кадилор». В результате сотрудничества Загорского института сельскохозяйственного машиностроения с заводами, на многих предприятиях достигнуты крупные успехи в освоении цехов новой техникой и усовершенствованных технологических процессов. Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина оказывает техническую помощь 37 предприятиям области. Все чаще в заводских цехах можно видеть научных работников, профессоров, академиков. Крупного ученого, академика П. Гудцова можно

часто встретить на Московском автомобильном заводе им. Сталина, академика И. Бардина — у доменных печей и маренных металлургических заводов страны. Такое творческое сотрудничество науки и труда возможно лишь в стране нерушимого морально-политического единства народа, в стране, где академик и сталевар, профессор и фрезеровщик делают общее дело, служат одной великой и благородной цели.

Интересы социалистического строительства и дальнейшего технического роста нашей индустрии требуют все более тесного союза науки и производства.

Недавно в Ленинграде — городе передовой социалистической индустрии — возникло замечательное патристическое движение за новый подъем технического прогресса, за постоянную, еще более тесную и прочную связь науки с производством. Этот патристический почин ленинградцев, горячо встреченный всей нашей технической интеллигенцией, зовет научных работников стать еще ближе к практике, к производству, зовет нашу науку крепить узы дружбы с социалистической индустрией, еще энергичнее вторгаться в производственную жизнь. Принято на собраниях научных работников Москвы и Московской области обращение ко всем научным работникам Советского Союза призывает их активно включиться в борьбу за внедрение в производство достижений советской науки и техники.

Укрепление творческого сотрудничества людей науки и производства не только поможет техническому прогрессу и подъему производительности труда, но и возлет новую живительную струю в творческую деятельность научно-исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро, высших учебных заведений.

Советский ученый — народный ученый. Он живет всей жизнью своей Родины, своего народа. Продолжая и умножая славные традиции передовой русской научной мысли, столь щедро обогатившей мировую сокровищницу культуры, советские ученые видят свой высший патристический долг в служении великой социалистической отчизне.

В мире капитализма наука играет унизительную роль служаки буржуазия, покорного исполнителя воли монополистических магнатов, готовящих новую мировую войну. Буржуазная наука служит наименее ценным целям жадности и агрессии. В заокеанской империи доллара научные учреждения превращаются в очаги милитаризма, в непосредственные филиалы военных министерств и промышленных корпораций, изготавливающих оружие убийства.

У них — союз науки и хищнических агрессивных монополий во имя человеческой свободы и разрушения цивилизации. У нас — сотрудничество науки с трудом во имя дальнейшего роста благосостояния народных масс, во имя защиты мира во всем мире.

Рассказать о новых советских успехах, сочетающих труд физический с трудом умственным, раскрыть новые черты, воспитанные в них победоносной партией Ленина—Сталина, показать в живых художественных образах творческую дружбу людей науки и труда — какается благодарная задача для советских литераторов! Наша литература и драматургия уже знают произведения, в горах которых воплощены черты людей коммунистической эпохи. В пьесе А. Сурова «Зеленая улица» выведен машинист Алексей Спирков — человек новой эры, рабочий-новатор, труд которого наполнен глубоким интеллектуальным содержанием. Обращаясь к машинисту Спиркову, акад. Рубцов говорит: «Вдохновенное творчество! Оно выплывает в порыв бытия жизни! Так наука сливается с практикой и, обновляясь, сама обновляет жизнь. Так стираются грани между трудом рабочего и трудом инженера. Это уже коммунизм! Да, да, коммунизм!»

Герой романа В. Полова «Сталь и шпак» инженер Макаров и сталевар Пермяков олицетворяют творческое сотрудничество интеллигенции и рабочего класса, науки и труда. Они дополняют друг друга как соратники, как единое целое, вдохновляемые единственными патристическими устремлениями. Образы рабочих-новаторов, обогативших советскую науку, показаны в новой пьесе В. Коженикова «Огненная река».

Советская наука всевластна, потому что она вооружена революционным материалистическим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, потому что она служит светлым идеям коммунизма, потому что она неразрывно связана с трудом и интересами миллионов людей, потому что руководит ею и вдохновляет ее величайший герой науки Иосиф Виссарионович Сталин!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
№ 40 (2527) Среда, 18 мая 1949 г. Цена 40 коп.

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ

Связь с практикой, служение государству, народу — отличительная черта советской науки. Реальная помощь, которую оказывает наука великому делу построения нового общества, началась сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции.

Для победившей социалистической революции наука имела огромное значение, она действительно помогла укреплению революционных завоеваний, экономической реконструкции страны, укреплению обороны и созданию новой социалистической культуры. В основу создания нового государства впервые в истории человечества была положена научная теория — великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о развитии общества.

С каждым годом усиливается связь нашей науки и практики, крепнет сотрудничество научной мысли и труда. В деле реализации сталинских пятилетних планов советские ученые оказывают народу большую и многообразную помощь. Они разрабатывали и разрабатывают принципиальные основы новых производств, работали над детальной установлением технологических процессов, созданием автоматических устройств, электрификацией промышленности и сельского хозяйства. Они помогли развитию многих сложных производств, в частности, химической, электротехнической, станкостроительной, оптико-механической, электротехнической промышленности.

Огромную помощь оказала советская наука Родине в годы Великой Отечественной войны. Творческая мысль советских ученых ощущалась всюду — в авиации и военно-морском деле, в артиллерии, в связи, в военно-санитарном деле и т. д. Были открыты новые крупные месторождения угля, нефти, газа. Советская наука, связанная тесными узами с народом, с жизнью, — вместе со всей страной выдержала суровые испытания войны и внесла свой вклад в дело великой победы над врагом.

По всей советской стране — в цехах заводов и фабрик, на колхозных полях четверть год идет напряженная и успешная работа по осуществлению последованного сталинского пятилетнего плана. Движимые патристическим чувством, советские люди развернули социалистическое соревнование за выполнение пятилетки в четыре года. Роль советской науки и связи ее с практикой в ходе осуществления последованной пятилетки еще больше возросли.

Наряду с традиционными формами помощи промышленности в виде консультаций, экспедиций, лекций для инженерно-технического персонала и рабочих, в настоящее время широкое развитие получили новые, более непосредственные виды помощи ученых промышленным предприятиям и сельскому хозяйству. Сейчас многие работники научно-исследовательских институтов в высшей школе принимают участие в работе заводов и колхозов и оказывают помощь на месте, в цехах, на полях.

Однако потребность производства в помощи со стороны науки не только не ослабевает, но, наоборот, из года в год возрастает. Прогрессирует не только производство, но и наука. Поэтому усиливается потребность в дальнейшему укреплению деловой связи науки и производства, в развитии их сотрудничества. Эта инициатива уже привносит в конкретные результаты. С первых же дней после опубликования письма ленинградцев товарищу Сталину начали намечаться новые конкретные пути упрочения и усиления творческого контакта науки и труда. Ускрился поток писем с заводов и колхозов в научные институты и высшие школы с просьбами оказать помощь, заключить договоры сотрудничества. Кафедры ленинградских высших учебных заведений, в первую очередь Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, заключили с рядом заводов договоры о творческом сотрудничестве, наладили связь с цехами, развернули исследовательскую работу, направленную к улучшению качества продукции и поднятию производительности труда.

Академия наук СССР, уделявшая за последние годы много внимания вопросам внедрения научных исследований и открытий в практику народного хозяйства, сейчас приняла ряд новых решений к укреплению связи науки и производства. Наряду с общим общим планом исследовательской работы, преданию Академии наук СССР будет ежегодно составлять планы внедрения в промышленность законченных научно-исследовательских работ. При этом предусматривается деловая кооперация учреждений Академии наук с

отраслевыми научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, конструкторскими бюро и предприятиями министерств.

Для пояснения этого приведу один показательный пример из истории науки. В середине прошлого века английский физик Максвелл теоретически разработал теорию электромагнитного поля. Одним из следствий этой теории была возможность получения электромагнитных волн любых частот, распространяющихся со скоростью света. Этот замечательный вывод был подтвержден только через четверть века в известных опытах Герца. Имеются сведения о том, что на вопросы журналистов о возможном практическом значении новых волн Герц ответил, что никаких технических применений он не предвидит. Как мы знаем, однако, через несколько лет петербургский профессор А. С. Попов опроверг утверждение Герца и позвал миру самое величайшее открытие — радио, т. е. осуществил передачу сигналов электрическими волнами. Так началось то изумительное развитие радио, свидетелем которого мы являемся. Что же дало русскому ученому А. С. Попову возможность совершить свое первооткрытие? Теснейшая связь его научных исканий с жизнью, с практикой, его стремление поставить науку на службу человеку.

Величайшим образом органического единства теории и практики для нас служат всеобщепонятная наука Ленина и Сталина, в которой самые общие и широкие проблемы философии и общественного развития неразрывно соединены с жизнью, с практическим осуществлением их в широчайших размерах и с результатами, невиданными в истории человечества.

Теория нашей отечественной науки не замыкалась в рамках отвлеченного теоретизирования. Михаил Васильевич Ломоносов умел соединять свою материалистическую корпускулярную философию с химической технологией, с разработкой производства цветного стекла и организацией промышленного производства художественных мозаик. У Дмитрия Ивановича Менделеева гениальное открытие периодической системы неразрывно связывалось с проблемами химической технологии, промышленности и экономики.

Деятельность советских ученых, направленная на разрешение текущих практических задач, не составляет некую добавочную часть к основной работе научного работника. В стране социалистического труда теория и практика неразрывно переплетаются, переходят одна в другую, неразрывны друг с другом. Помощь ученого производству не может быть не связанной с самим существованием его теоретической работы. Без такой связи не будет и настоящей помощи. Мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы наши теоретические исследования помогали практике, а практическая работа служила источником новых теоретических выводов и обобщений. Только таким образом может быть разрешена проблема связи науки и производства.

Надо, однако, признать, что наряду с большими и существенными достижениями наших научных учреждений в деле помощи производству на отдельных участках науки до недавнего времени сохранялась еще стремление отгородиться от требовании жизни.

Пристального внимания общественности требуют вопросы внедрения в практику новых изобретений, исследований, научных открытий. Иногда интересные и важные научные результаты годами не получают практической реализации. Почему это происходит? В большинстве случаев оказываются виновными обе стороны. Промышленность не всегда доверчиво относится к нововведениям, предвядя технические и экономические трудности в их осуществлении. Что же касается научных учреждений, то они не всегда доводят работу до окончательной, променяют для производства стадии и не проявляют достаточной активности в продвижении своих работ.

Бывает и так, что научные учреждения и предприятия вместо того, чтобы по-государственному поохотиться к решению задачи, вступают на путь тая и конфликтов. Если мысленно просуммировать работу всей нашей научно-исследовательской сети от Академии наук СССР до высших школ, отраслевых институтов и заводских лабораторий, то перед нами предстанет огром-

Новые материалы о В. С. Пятове

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота обнаружены новые материалы о талантливом самородке — русском мастере Василии Степановиче Пятове, об изобретениях которого «Литературная газета» сообщила 14 мая с. г. в № 39. Установлено, что в июле 1859 года В. Пятов обратился по поводу своего проекта изготовления броневых плит проектом к генерал-адмиралу великому князю Николаю Константиновичу. Тот принял его и заявил изобретателю буквально следующие: «Скоро я отправлюсь за границу и постараюсь на заводе, где заказана броня для русского флота, проверить выводу, на которые ты указываешь в своей записке (Фонд 410, дело 5755, лист 16).

По материалам морского агента России в Англии Путтина установлено, что действительно в скором времени представителем царской фамилии имел встречу с английским изобретателем Брауном, который, высказав недовольного князя, отрицательно высказался относительно метода, предложенного В. Пятовым. Однако, запугав Николая Константиновича сложностью и дорогостоящей освоения, английский заводчик сделал свои выводы... Гол спустя, когда предлагался В. Пятова был отвергнут царским морским ведомством, в Англию появился свой изобретательского нового способа прокатки брони; фамилия его была... Браун. «Английский способ» полностью совпал с методом В. Пятова. Научным сотрудником архива В. Петрашешем обнаружены, кроме того, новые доку-

150-летие со дня рождения А. С. Пушкина

Праздник трудящихся Советской Эстонии

ТАЛЛИН. (Наш спецкорр.) Трудящиеся Эстонской ССР деятельно готовятся к празднованию 150-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина. Председатель республиканского Пушкинского комитета — председатель президиума Верховного Совета Эстонской ССР тов. Э. Пяль сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Первые переводы Пушкина на эстонский язык («Медный всадник», «Полтава») были изданы еще в середине прошлого столетия. В капиталистической Эстонии буржуазные националисты всячески стремились лишить наш народ возможности познакомиться и изучить прекрасные произведения Пушкина. Но творчество поэта всегда, во все годы, продолжало пользоваться популярностью в эстонском народе. Любовь к Пушкину особенно проявилась в годы советской власти, когда произведения поэта начали широко переводить на эстонский язык.

К 150-летию юбилея со дня рождения А. С. Пушкина готовится вся республика. В таллинском Доме искусства открывается выставка, посвященная творчеству поэта. Здесь собраны рукописи, книги, фотографии, редкие экспонаты. Обширный выставку открывает в Тарту Государственный литературный музей Академии наук Эстонской ССР. В ближайшие дни выйдут из печати сборник, содержащий пять поэм и избранные стихотворения поэта в переводах А. Санта и Б. Альвера, сказки в переводе Ф. Котта.

Во всех предприятиях, в колхозах и учебных заведениях республики проводятся лекции о жизни и творчестве великого поэта. Профессора, преподаватели и студенты старших курсов Тартуского университета прочтут свыше 60 лекций на предприятиях и в учреждениях.

— Пушкинские дни в Советской Эстонии, — сказал в заключение тов. Э. Пяль, — новое яркое проявление нерушимой дружбы великого русского, о эстонского народов, глубокой общности их культур.

Стихи великого поэта

В латышских переводах

РИГА. (По телефону). Почти сто лет назад, в 1856 году, латышский поэт Юрис Алунин сделал перевод отрывков из поэмы А. С. Пушкина «Мцыри». Первые пушкинские стихи зазвучали тогда на латышском языке. Вскоре в латышском переводе появились произведения великого поэта. Первыми прозаическими Пушкина заняла большое место в творческой работе классика латышской литературы Янис Райниса.

Сейчас, готовясь к пушкинскому юбилею, библиотека имени Мисина Академии наук Латышской ССР подготовила к печати первую полную библиографию переводов произведений А. С. Пушкина. Над составлением библиографии работала группа научных сотрудников библиотеки под руководством доцента К. Эгласа.

При советской власти творчество Пушкина стало достоянием широких масс латышского народа. Поэмы, сборники стихов, проза гениального поэта издаются сейчас массовыми тиражами. К юбилею поэта выданы в свет однотомник избранных произведений А. С. Пушкина.

Техникум имени первопечатника Ивана Федорова

На днях полиграфисты столицы торжественно отметили 20-летие Московского полиграфического техникума. Это среднее техническое учебное заведение готовит высококвалифицированных специалистов наборного, печатного, переплетно-брошюрного, фотоэтикетного и литографического производства.

За двадцать лет техникум выпустил 1264 специалиста. В числе выпускников — 200 работников типографий (наборщиков и печатников), получивших среднее техническое образование без отрыва от производства.

Воспитанников техникума можно встретить почти на всех крупнейших полиграфических предприятиях страны. В связи с 20-летием со дня организации и заслугами в подготовке специалистов полиграфической промышленности правительство присвоило техникуму имя первопечатника Ивана Федорова.

С. МАРШАК

БЕЛЫМ ПО ЧЕРНОМУ, или «перекрашенный» Франко

Современная баллада

Англо-американский блок пытается прогнуть Франкострану Испанию в ООН.
Черного кобеля не отмыть добела.
(Русская народная пословица)

Рис. П. Семенов

Жил-был кобель в Испании Черное, чем салог. Никто про всем старания Отмыть его не мог. Его решили краскою Покрыть со всех сторон — И под приличной маскою Вести его в ООН.

Красильщик из Бразилии Везло беллй принёс, Чьот стал белее лишь Испанский черней пёс.

Потом маляр из Перу Белить его хотел, Трудился он не в меру, Но пёс не побелел.

Труды друзей пропали зря, Не помогла и краска Помощника секретаря, Американа Раска.

Как видно, черных кобелей Никто не сдаёт белой!

Декада казахской литературы в Москве

14 мая участники декады казахской литературы были приглашены в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б). Секретарь правления Союза советских писателей СССР А. Софоров, открыв вечер, предоставил слово лауреату Сталинской премии М. Ауэзову, который рассказал собравшимся о развитии казахской литературы. На вечере выступили поэты К. Абдыкадыров, Х. Бекхожин, К. Сатыбалдин, А. Токумагбетов и народные акыны Казахстана Нартай. Казахских писателей приветствовал ректор Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) тов. А. Ковалевский.

В минувшее воскресенье писатели и работники искусств Казахстана выступили в Доме культуры «Правды». Председатель вечера В. Кожеников обратился к участникам декады с приветственным словом. Секретарь ЦК ВКП(б) Казахстана тов. И. Омаров сделал доклад о казахской литературе. Свои стихи читали поэты К. Аманжолов, Т. Жароков, С. Мауленов и народный акын Казахстана Кенен.

В комиссии по драматургии ССП под председательством А. Софорова в продолжение двух дней продолжилось обсуждение новых пьес казахских драматургов — «Единая семья» и «Дружба и любовь» А. Абишева, «Герой труда» и «Медовый ручей» Н. Баймұхамбетов, «Молодая

жизнь» М. Иманжанова, «Светящийся камень» Ш. Хусанова и других. 16 мая в Союзе советских писателей началось обсуждение творчества поэтов Казахстана.

В Центральном доме литераторов состоялся организованная комитетом детской литературы встреча писателей Казахстана с детьми писателями Москвы. Во время встречи были обсуждены: повесть С. Муканова «Мои метельки» и книга стихов, поэм, баллад для детей «Молодой гражданин».

16 мая казахские писатели выступили во Дворце культуры автозавода имени Сталина. Автозаводцы оказали участникам делегации горячий, дружеский прием. В. Горбатов приветствовал их от имени Союза советских писателей СССР и общестественности столицы. Затем доктор филологических наук профессор Х. Жумалиев рассказал собравшимся об успехах казахской литературы. Вечере приняли участие поэты Ж. Сыдыков, М. Хакимжанова, Х. Бекхожин, Ж. Молдагаалиев. Народный акын Казахстана Нурлыбек под аккомпанемент добры исполнил песню-произведения, адресованную работникам автозавода. Московские поэты и артисты читали переводы стихов поэтов Казахстана на русский язык. Мастер литейного цеха П. Бодюков прочел свои стихи, посвященные участникам декады.

9 февраля 1949 года в "Правде" был напечатан план размещения посевов сельскохозяйственных культур в полях севооборотов и план основных агрохозяйственных мероприятий колхоза им. Куйбышева...

Липецкого района, Воронежской области на 1949 год. Ниже мы публикуем очерк нашего специального корреспондента писателя Сергея Антонова, побывавшего в колхозе им. Куйбышева нынешней весной.

1.

Хотя до колхоза имени Куйбышева было не больше шести километров, желтобородый старик, которого я встретил на станции, везти меня отказался. — Куда же ехать в ночь через овраги? — говорил он. — Видишь, весна-то какая. Ты не гляди, что в оврагах снег. В оврагах сейчас снег хитрый. Ступишь на него ногой и провалишься по пояс. По оврагам теперь пелье реки текут. В ночь никак нельзя ехать. Я долго упрашивал старика и, наконец, потеряв терпение, позвонил в колхоз имени Куйбышева и попросил прислать подводу. — Приехали, дождикой, — усмехнулся старик. — Где мы сейчас через Тынковский луг проехать. Ей и днем в эту пору проехать трудно. Дожив-ка, на телеге переночуем, а завтра утром и тронемся. Он заманчиво поворочал пахучее сено и закурил. Был вечер. В темном небе вносили светлые, похожие на перья, облака. Влажный ветер дул порывами, выбивая из пылаки старика рубиновые искры. Мы потоптали о нынешней неслаской зиме, о ранней весне, об омывах и уделсах в телеге, укрывшись тулупом. Лошадь изредка подталкивала меня мордой, ворочая глазами губами сено. Я задремал. — Где тут из Москвы представитель? — услышал я связоз сон мальчишеский голос. Я поднялся и увидел жеребца, запряженного в сани, и возницу в ватнике, парня, как мне показалось в темноте, лет тридцати пяти; его звали Андреем. — Садитесь, а то уж совсем темно, — сказал Андрей, и мы поехали.

Ночная тишина стояла вокруг. Черная степь, без одного деревца, без кустика тянулась перед глазами и терлась в темноте. — Как в этом году о хлебам? — спросил я. — А соберем, сколько запланировано. У нас травопольный севооборот, — спокойно ответил Андрей и хлестнул жеребца. Жеребец по крутому откосу стал спускаться в Тынковский луг. Сера снежная полоса, шириной метров в двадцать, лежала на дне оврага. Жеребец остановился и поныкал снег. Андрей хлестнул его. Жеребец отмахнулся хвостом и не двинулся. — Нет, здесь, видно, глубоко, — подумав, сказал Андрей, — он понимает... Мы поехали вдоль лога искать узкого места, беспрерывно соскальзывая вниз по голому откосу. Иногда Андрей направлял жеребца в снег, но, опустив морду и приняв шив, конь снова отказывался идти. Так мы проехали с полкилометра. И я уже начал думать, что никакая опасность нет и желтобородому старику просто не хотелось трогаться на ночь со станции. Отпамянув, следя еще шаг, конь сразу провалился по брюхо.

— Становись на ноги! — закричал Андрей, вскакивая с коня и нативаясь выжить. Жеребец шел вперед, задирая морду, чтобы не захлебнуться. А сани скользили по снежной жиже, выскользая, словно лодка, то вправо, то влево, и я чувствовал, как по моим ногам катится ледяная вода... — Может, вернемся? — ослышало спросил я возницу.

— Проедем! — крикнул Андрей, и в голосе его звучала такая уверенность, что я доверился ему.

2. Было совсем темно, когда мы подъехали к деревне. Я вошел в избу и устроился у печи, в которой жарко горела солома. Отец Андрея в еще семерых детей, Гаврил Матвеевич, крепкий черновослый мужчина, встретил меня радушно и просто, словно мы с ним были сто лет знакомы. — Теперь в нашем деле без науки шагу не шагнешь, в нашем деле теперь без науки смея один получится, — говорил он. — Пройдет еще года четыре, и наша земля станет работать, как какой-нибудь станок-автомат на заводе. Вот по всему СССР сейчас колхозники выращивают рекордные урожаи, ну, в примере, 30 центнеров ржи с гектара, и получают за это звание Героя Социалистического Труда. Это хорошо. А мы хотим добиться того, чтобы наша земля, без всякого нашего героизма, а при нормальной работе, вся сплошь дала бы 30, а то и 50 центнеров зерновых с гектара, как чаша.

Гаврил Матвеевич достал с полки книжку в совершенно затертой картонной обложке, распухшую от множества вложенных в нее записок, ведомостей в черт-же-же.

— Вот глядите, что написано: «...за двадцать лет средний урожай на одном из севооборотов, где в особо детальной форме были осуществлены все меры подержания структуры, равнялся 68 центнерам (410 пудов) ржи на гектар... Раз это можно было достичь на опытном поле Академии, то я в современных условиях не вижу причин, почему нельзя этого же достичь и в других местах». Гаврил Матвеевич залопнул книжку. Это были «Основы земледелия» В. Р. Вильямса.

3.

Деревня Федоровка, жители которой обдирились в колхоз имени Куйбышева, состоит из восьмидесяти опрятных каменных и кирпичных домиков, вытянувшихся по обеим сторонам глубокого оврага, вид, как его здесь называют, яды.

В конце деревни, там, где расположены скотные дворы и птицеварня, прохлдит Большой лог. Берега Большого лога с каждым годом размываются, лог растет, увеличивается, где-то обрыв подобраза уже к самым забам, и мост через этот лог после весенних вод стоит, словно стол, и его уже два раза приходилось переносить на новое место. А летом воды совсем нет, и для того, чтобы поить скот, приходится целый день гонять подводу к дальним колодцам. Почвы вокруг деревни Федоровки плохие. На реальных обрывах оврагов виден разрез земли: верхние сантиметры 10—15 — чернозем, а под ним — огромная толща песка и супеси. Во времена единоличных хозяйств подованя земля не обрабатывалась, и на бескрайних пустошах бродил скот. Веснами над голой землей низко пролетали журавли. «Бога журавли летят низко, так и урожаи будут низко», — сочинила горькую примету старика Федоровки.

Журавли все время летали низко. О том, почему на таком плохом месте стоит деревня, рассказывают следующие: прадеды нынешних колхозников были крепостными некоего барина Кожина. В 1861 году, за месяц перед тем, как был опубликован манифест об отмене крепостного права, хитрый барин разогнал крестьян сам, чтобы, боже упаси, не пришлось бы ему нарезать мужикам сколько-нибудь земли при «официальном» освобождении. Долго думали крестьяне, что им делать, и, наконец, решили продать одного из мужиков — Тынкова в столицу искать правды. Тынков мытарился по Питеру, дождался манифеста и, в конце концов, принес бумагу, по которой изгнанные крепостные Кожина получили отрезки в самых плохих местах бывшей «государевой» земли. Они выстроили по берегам логов три деревни и назвали их Яковлевкой, Федоровкой и Тынковкой, в честь Якова Федоровича Тынкова, выкупившего в Питере бумагу.

Так и жили крестьяне Федоровки до Великой Октябрьской социалистической революции, и журавли низко летали над их землями.

4.

В 1930 году в деревне Федоровке организовался колхоз. А в 1940 году молодой агроном Соколовский явился инициатором перехода на травопольную систему земледелия.

Если взглянуть на план колхоза, опубликованный в «Правде», после того как увидишь земли в натуре, то удивишься: ни один квадратный метр колхозной земли не пропадет даром. Каждая гряда почвы включена в севооборот, каждая грядочка почвы приносит пользу. Земля колхоза делена на два пеха: на поля полевые и кормовые севообороты. Девять полей полевых севооборотов расположены на осланах, на самых выгодных для полеводства — с точки зрения рельефа — местах, и каждое поле имеет площадь ровно в сто гектаров. Восемь полей кормового севооборота, по 28 гектаров каждое, занимают ливизну, неподалеку от скотных дворов, где много влаги, что выгодно для произрастания кормовых трав, сочных кормов и силосных растений. Остальная земля, которая не может быть использована под посевы (откосы оврагов), предназначена для выгонов и сеноса. В начале многие колхозники необорительно отнеслись к такому распределению земель. «А где же коровушек пастбища? — недоумово пожимали плечами старика. — Разве по оврагам травы хватят? Вся земля под заперу да под хлеба подмалня, а пастбища где? Стали бы на пару пастбищ, да при травопольной этой системе агроном говорит, что на пару ни травянка не должно расти».

Председатель колхоза утешал тем, что для пастбищ предназначено, кроме откосов логов, одно поле кормового севооборота. — Да разве хватят одного поля — двадцать восемь гектаров! — кричал привыкший к просторным пустошам пастух. — Ведь, глядя-ка, у каждого по корове да колхозники коров 70, овец колхозники 150, свиный побольше сотни, и все их на двадцати восьми гектарах пастбищ, — эва, выдумали!

Травопольная система земледелия характерна тем, что она ломает веками сложившиеся, привычные дельские способы ведения сельского хозяйства во всех его звеньях. Какалось бы, какое отношение имеет пастбища скота к травопольной системе? Оказывается, самое прямое. Многолетние луговые травы, посеянные на полях кормового севооборота (белый клевер, желтая люцерна), гораздо питательней для скота, чем однолетние. Высочайшая питательность трав позволяет обеспечить корм значительное поголовье крупного рогатого скота. Однако это будет возможно только при рациональной организации пастбища и пастбища.

— Ведь вот вы знаете, — говорил Гаврил Матвеевич, работавший в колхозе в должности пастуха, — что коровы не больше едят траву в том месте, где во пух, к примеру, свиной пропала. Прежде мы палили и свиной, и овец, и коров вместе. Коровы половину корма ступают, а половину съедят, а нам и горя мало: пустоши были гектаров на двести. А теперь на двадцати-то восьми гектарах так держатся.

Трава-то сытная! Такую траву коровы едят беспрерывно, словно книгу читают. Сначала надо пустить коровушек, за ними овца, а уж после — ошпей. Да и это еще не все. Выгон надо делить, к примеру, на четыре клетки. Сначала пастби в первой, потом во второй, и так далее, ден по пять-шесть в каждой клетке. Пока в четвертой клетке пашешь, глядишь, в первой уже снова трава отросла. Пастух теперь — серьезная должность. Настоящий пастух теперь должен план на руках иметь... План на руках имеет не только пастух. Девича — звеневые полеводческих бригад — навзгуст знают свое годовое задание, знают сложную последовательность процессов на полях, распisanую по примеру технологической карты производства какой-нибудь детали, скажем, на автозаводе. А бригадир первой полеводческой бригады Иван Прокофьевич Ходолаев, молодой парень, недавно вернувшийся из армии, знает даже, что будет сеяться в каждом из полей в течение девяти лет, вплоть до 1959 года.

Мы ходили с ним по восьмому полю, осматривали только что появившиеся из-под земли чумазые и морские зеленые озимой ржи. Вдаль простиралось девятое поле, предназначенное под пар, черное и блестящее, как алмаз. Посередине его виднеются желтые пятна, и от него в разные стороны расходятся желтые дорожки. Там, очевидно, недавно держала конна солома. — Вот на том, на девятом поле, в 1953 году будем сеять яровую пшеницу, — сказал Иван Прокофьевич. — Раньше, до травополья, мы о яровой пшенице и не слышали, а теперь она у нас сорняк растет. На семена. Наша яровая пшеница — самая лучшая на весь мир. Белка в ней 17 процентов. А в Америке пшеница имеет не больше... 15 процентов белка. Я смотрел на землю, разделенную на поля, ровно по сто гектаров каждое, а рядом стоял бригадир первой полеводческой бригады, Иван Прокофьевич Ходолаев, преобразователь природы, человек, воплощающий в жизнь мечту великих русских ученых-патриотов Докучаева, Костычева и Вильямса, человек, превращающий мертвые пустоши бывших государевых земель в плодородные земли коммунизма. И сокрунался о том, что озимы у него, пожалуй, хуже, чем во второй бригаде, с которой он соревнуется.

5. Вечером в правлении состоялось комсомольское собрание. Из шестидесяти членов комсомольской организации, — объявил председатель, — присутствует тридцать человек. Трое отсутствуют по уважительным причинам. На повестке два вопроса: прием в комсомол Лесукухина, Николая Федоровича, и подготовка комсомольцев к весеннему севу. Присутним к первому вопросу. С задней скамьи поднялся невысокий парень, красный от волнения, и начал рассказывать свою биографию. — Я, Лесукухин, Николай Федорович, родился в 1932 году в деревне Федоровке, Яковлевского сельсовета, Липецкого района, Воронежской области... — сказал он и умолк. — Ну? — протянул председатель. — Все. Чего же еще... — промолвил Лесукухин.

— Ну расскажи... расскажи, как работаешь... — Работают... Что же рассказывать... Работают, как все. Вспомогательный я унавал, что этот невысокий парень — один из лучших работников колхоза, мастер на все руки. Так и не добившись продолжения биографии, председатель прозел рекомендацию и предложил задавать вопросы. — А куда, расскажи, почему у вас пашут без предлужки пахать нельзя? — неожиданно спросил кто-то. — Это долго рассказывать, — ответил Лесукухин. — Ничего, послушаем... Лесукухин подумал и начал: — Наукой доказано, что плодородность почвы зависит не только от количества перегноя. Плодородность почвы зависит еще от ее структуры. Если почва лежит сплошным, плотным пластом, сколько бы ни было в ней перегноя — плохая эта почва. А хорошая почва вся состоит из комочков вот адкази, размером от горошины до малого орешка. Вот многочисленные травы мы и сеем для того, чтобы они превратили почву в комковатую. Если выдернуть куст тимфеовой, так увидим, что у нее корни такие мочковатые, как борода у дяди Ивана... — Давай посерьезней... — сказал председатель и постучал карандашом по столу. — Если посеять такую траву — тимфеовку, — продолжал Лесукухин, — так она своими корешками, как бурьянками, начнет землю разбивать, и получается те самые комочки, какие надо. Вот для этого мы и сеем многолетнюю явловую траву, тимфеовую или, скажем, пырей. Но одной тимфеовой не обойтись. Комочки должны быть крепенькие и не рассыпаться в пыль. Их надо чем-то склеить. Вместе с тимфеовой сеется какое-нибудь бобовое. К примеру — клевер. Клевер выделяет из корней клей под названием каллинин, и комочки получают крепенькие. Теперь получается так: сверху на десять сантиметров вглубь почва плохая, не комковатая. По ней легко ходит трактор и ездит. А вот ниже, другие десять сантиметров, — плодородная, комковатая земля, переработанная многолетними растениями и богата перегноем. Теперь надо сделать так: верхние десять сантиметров пустить вниз, а нижние — наоборот. Если пахать обыкновенным плугом, то ничего из этого дела не выйдет. Плуг оставляет пласт

набок, па щеку, и вся хорошая-то, комковатая земля просыпается вниз. А нам надо, чтобы она была сверху... — Ну ладно, — сказал председатель. — Обжди. Вот для этого и придумали плуг с предлужником. Предлужник снимает верхние десять сантиметров пласта и сворачивает его вниз, а задний, основной лемех берет на глубину двадцати сантиметров и поднимает хорошую землю наверх. Теперь — борова... — Про борова вопроса не было... — прервал председатель. — Обжди. Прежде для чего боровавали? После пахоты на поле получают гребни и борозды. Если посеять на такой борозде, то семена получат — одно на сухое место, на гребень, а другое — на мокрое — в борозду. Значит, надо землю выгладить, сделать гладкой перед севом. Вот для этого прежде и боровавали. А при травопольной системе борова для этого дела пускаться нельзя, потому что борова своими зубьями все комочки почвы силощит да стравбуует, и получается у нас опять плохая земля, так называемая безструктурная. При травопольной системе вместо бороны нужно применять волюкушу — этакие деревянные бруски, которые надо тянуть или лошадами или трактором. Земля-то мягкая, рыхлая, бруски ее очень просто разглазат... Николая Федоровича Лесукухина приняли в комсомол, похвалили и перешли ко второму вопросу. На все время сева комсомольцы были закреплены на самые важные и ответственные работы, связанные с механизмами. Лесукухин поручили срочно сделать волюкушу, которые в этом году впервые будут применены вместо бороны. На следующий день, часов в пять утра, в избу Гаврилы Матвеевича пришел Лесукухин попросил книжку Вильямса и начал оттуда перечерчивать схему волюкуши.

6. Кем-то подсчитано, что в нашем сельскохозяйственном производстве имеется уже около семисот различных специальностей. Вечером, когда молодежь и старики деревни Федоровки вернулись с работы, пройдите по избам и прислушайтесь к разговорам, которые ведутся за стенами, — и вы быстро определите профессию хозяев. Если услышите споры о приравнивании семян, о том, что из термической обработки их пока еще ничего не получается, и о том, что пора доделывать навоз для яризации, — так сразу поймете, что это ребята из четвертого звена второй бригады — семеноводы. По одним лишь вздохам по поводу того, что трава на выгонах появилась дней этак, через четыре-надряде, не раньше, вы узнаете животноводов, работников третьей бригады, которая отвечает за скот и за все восемь полей кормового севооборота. А если начнутся разговоры о свойствах акации, дуба, березы или клева, — вы попали к дельцам, занимающимся посадкой лесозащитных полос. Вот так, вечером, походите по избам, послушайте и увидите: умерло навоза старое, основанное лишь на приметах и дельских обычаях дельоборотов. Зеленеют свежие росты творческого, коммунистического труда: самые новаторские предложения, непрерывные искания, работа мысли... За чем сидят Семен Петрович Лесукухин, человек с рыжими, словно из медной проволоки, усами, и Семен Ильяович Чумачев, братый старик лет шестидесяти. Огнь в лампе розжигаю, но хозяину невдога подражает фитиль. Он спорит. — А что, если каток после посева пустить. Чуть-чуть этак, чтобы только земля по ровнее поглазилась... — говорит Семен Петрович и гладит рукой стол, как бы показывая, с какой нежностью должен касаться каток земли. — Ну, так и что с того катка будет? — хмуро спрашивает Семен Ильяович. — Вода-то выте подняется в почве... — Выше-то выше, а если дожди весной пойдут — залывет земля или нет? — Выпль ты. А структура после твоего боровавания нарушится или нет? — Ты мне не говори, — машет рукой Семен Ильяович, — вот узнаем, если весна сухая, так я хотя полгектара, а продусь с катком, для опыта... Можно не сомневаться в том, что Семен Ильяович и Семен Петрович работают в одной из полеводческих бригад или в первой бригаде — у Ходолаева, или во второй — Чечулина. За этими бригадами на девять лет закреплены все сто гектаров полевых севооборотов. Разговору о том, как сохранить в почве возможно больше влаги, присохлает почти в каждой избе. Воды в почве недостаточно, во-первых, потому, что поблизости нет реки, а во-вторых, потому, что под слоем чернозема залегает мошная толща песчаного грунта, в котором уровень грунтовых вод расположен очень низко. Полностью проблема воды будет разрешена в колхозе имени Куйбышева лет через семь или десять, когда тонкие сажены дуба, акации, ясени и березы превратятся в зеленые роши. А пока что колхозники решали устроить пруды. Искусственные пруды и озера, наряду с травопольной системой, культурной вспашкой и лесозащитными полосами, являются одним из необходимых элементов агрокомплекса Костычева — Докучаева — Вильямса.

Кроме своей основной задачи — улучшить водный режим почвы, пруды позволяют разводить гусят и уток и будут служить местами водопоя скота.

Для устройства прудов на земле колхоза имени Куйбышева есть удобные естественные углубления: овраги и логи.

В мае 1948 года волюкухины начали делать плотину в Шарьковом логу, расположенном между пятым и шестым полями. В текущем году эта работа будет окончена. Пруды будут и в конце деревни, поблизости от скотных дворов, и в Кожинском логу, и на границе колхозных земель, у второго поля.

7. Через несколько лет надежной защитой полевых севооборотов от сухих ветров станут лесные полосы. Весной 1948 года колхозники посадили первые сажены клева, тополя и ясени на площади 6 гектаров. Сажены принялись, и к осени восемь ровных, словно прочерченных по линейке, полосок вежлой и яркой зелени танулись у девятого поля вдоль гораемого болота. В этом году будут завершены посадки в первую очередь по юго-восточной и южной границам колхозных земель. Затем полосы дуба, акации, березы протянутся по водоразделам между полями. Оврагоукрепительные растения засеваются по берегам Шарькова, Кожинского и Большого логов, и мост не надо будет переставлять на новые места.

Создавая звено «лесников», колхозники ясно понимают огромную важность озеленения своей земли, и звеньевым поэтому назначили одного из лучших работников колхоза, лейтенанта запаса Николая Гавриловича Бирюкова. Мне почему-то казалось, что посадкой лесозащитных полос должен заниматься человек с мягкой душой, голубоглазый мечтатель, добрый и разговорчивый. Николай Гаврилович оказался строгим и молчаливым мужчиной с обветренным жестким лицом. Увидевшись мы с ним у гораемого болота, где он осматривал торчавшие из-под снега сажены. — Широкая здесь будет аллея... — начал я, настраиваясь на ирирический лад. — Да, широкая, — подтвердил Николай Гаврилович, — два и три десятка метров ширины... — Красивые поднимать деревья, — продолжал я. — Вы удачи выиграли: тополь, клева... — Да, удачи. Тополь да клева выйдут не ест... — Но ведь не только в алье дело! Этакую красоту вытанется до небес. Вы представляете себе... — Конечно, представляю. Вот через пять лет клева будут высотой три и восемь десятков метра... А стволы будут иметь диаметр от двенадцати до пятнадцати сантиметров... — Ну и сузаре же», — подумал я, взглянув на Бирюкова, и стал расширяться о его плане в сроках посадок. — По плану все посадки мы должны кончить к 1959 году. Но кончим раньше. Если людей добавят — к 1955 году... В первую очередь надо эту полосу кончить... Эта полоса, так сказать, на первом крае обороны. Она первая примет удары суховеты. А потом — на водоразделах... Деревья на водоразделах поднимут уровень подпочвенной воды... И вода будет стекать на поля постепенно... в течение всего лета. Полосы на водоразделах — это вроде береговых линий в садах. Еше я в саду землянику сажую... Но это уже по собственной инициативе... Все внимательней и внимательней прислушивался я к словам Николая Гавриловича, и все ясней и ясней становилось мне, что голова его целиком занята размыслениями о пользе, которую должны принести посаженные им деревья, работаю или выношении плана посадок и травовой за судьбы сажены. Мечтат о красоте будущих клево и тополей Николай Гаврилович, предствалет другим. А сам он делает мечту своими руками. — Пока они вырастут, — продолжал Николай Гаврилович, — много надо смотреть за ними, и чтобы коза не поела, и чтобы ветром не вывалило, и чтобы оуховей не спалил. Слабы еше... Он нагнулся над клевоными сажанцем и с такой осторожной нежностью дотронулся до начавшей набухать почки, что сра-

зу стало видно, какая великая любовь к деревьям живет в сердце этого с виду черствого и хмурого человека.

8. Седоусый старик в ушанке и ватнике, Федор Аксенович Горелов, председатель колхоза, больше суток привел возле машины, застрявших в дороге из-за распутицы. Машины везли в колхоз минеральные удобрения, и председатель торжился: удобрения уже пора было пускать в дело. Он бегал вокруг машины, облепленный грязью по самые уши, ругался с шоферами, совещался, упрашивал. Машины заперлали одну за другую тросами, пробовали ехать полевой, надевали на сажны двойные цепи, ковали лопатами колеса, брали машины на «раскачку», словом, приносили все те шоферские премудрости, от которых хоть машины и не идут, но на душе становится легче.

— Сначала, как поглядите, — говорил Горелов, снимая со шкива ломку, как пещень, сухую грязь, — так кажется, будто у нас все честь по чести, все едет валиком, сяди, ручка сложилась. А если поглядите вглянуть, так мы все время воюем. Бой идет все время. Природа — она сама ничего не даст... Как водела, привычки нет, так оно и выходит — бой... — Про суховет слышали? Этак никогда не бывало, чтобы два года подряд суховет, как у нас в 47 и 48 было. Но что это: по сравнению с соседними колхозами, где еще нет травополья, у нас средний урожай в пять раз больше. Оса, к примеру, в прошлом году собрала по 25 центнеров с гектара на ста гектарах, а проса, в позапрошлом, по 24 центнера. Вот оно что, травопольная система. Стыжит, что у нас правильная ротация полей только началась, а уже смею яровую пшеницу. Да что — пшеница! Арбузы в прошлом году стали садить, и получились, что наши арбузы по шесть килограммов танут, вот этакже, — Федор Аксенович объял руками воображаемый арбуз весом на все тридцать килограммов. — А еще дымн... Да ты куда поехал. Вася, там же лад! — закричал вдруг Федор Аксенович и бросился к одной из машин.

Вскоре он слова подомлет ко мне и, шаляюнившись, тихо сказал: — Ведь вот поглядите — это шофера не паши. С Липецка. И их первый раз вижу. Большие стук мучаются, не евши, не спавши. Рукуэты это удобрение довести до места так, ровно им оно больше чем нам нужно. Это что же получается?.. Народ-то, получается, общественный.

9. Обратно, на станцию везет меня тот же Андрей. Я лежу в телеге, поджав воротник пальто, в думаю: что же и как мне писать о том, что удалось повидеть в эти дни. Я любил в обыкновенном колхозе, увидев на практике элементы новой социалистической науки земледелия: травополье, лесные посады, искусственные водоемы, культурную обработку почвы, яризации... Слово увидел подтверждение форм постановлений Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б): «проектирование хозяйств в основном решена...» Да, конечно, об этом надо рассказать.

И вот я в Ленинграде, вспоминаю делький колхоз Воронежской области, вспоминаю молодежь деревни Федоровки, белые юбки и черные шляпки, и мне в хочется писать о травополье. Мне хочется написать о Чумачеве, оспоряем от укуае почвы, о председателе Горелове, увидевшем в шоферах светлые души, о Бирюкове, для которого жизнь и мечта — одно и то же.

Все они — члены коммунистической партии, все они — первые труженики колхоза имени Куйбышева. Мне хочется написать, как в ходе переладки земля для коммунистического завтра у колхозников быстро растут качества коммуниста: новаторство, решимость, трудолюбие, жизнестойкость, и воспитывается коммунистический подход к труду; ясное понимание того, что нужно для блага народа; твердое знание научных основ дела, планирование, социалистическое соревнование, любовь к механизации. Мне хочется написать о том, как колхозники становятся культурными специалистами зернового хозяйства.

Хочется написать о комсомольцах, о Поле Лесукухе, об Андрее. Где ты сейчас едешь, друг Андрей? Много ли встретилось в пути твоим оврагам и логам? Сколько бы их ни встретилось, ты все равно уверенно скажешь «проедем!» и будешь двигаться вперед и вперед по своему светлому пути, победляя трудности, одну за другой, потому что твой путь — путь твоего счастья, путь к коммунизму... Высоко летат журавли над твоими полями, Андрей!

А про травопольную систему пусть читатель прочтет у Вильямса — его книга написана страстно и вдохновенно.

И. РЯВОВ

Всеволд ИВАНОВ

Отцы и дети

С первой страницы своего романа «Миллионер» Габиден Мустафин вводит читателя в существо конфликта между двумя колхозными вожаками — председателем колхоза Жаппыном и агрономом Жомартом. Жаппын — пожилой человек, пятнадцатилет занимается он пост руководителя большой сельскохозяйственной артели, всю свою душу вложил он в народное дело. Жаппу ордынами украшена его грудь. «Видеть до сегодняшнего дня он не слышал ничего, кроме благодарности, ни от колхозников, ни от правительства». Но вот на общем собрании колхозников молодой человек Жомарт противопоставил его плану развития общественного хозяйства свой план и заявил, что у председателя «узкая мера».

Роман казахского писателя ставит и разрешает проблему борьбы старого с новым в казахском ауле. Два поколения вожаков Габиден Мустафин. Отцы и дети — это давняя тема литературы. Писатели прошлого показывали нам непримиримые противоречия, взаимное непонимание, упорную вражду, все, что разделило людей разных поколений. Социалистическая революция сняла проблему отцов и детей в ее прежнем выражении.

В полном соответствии с жизненной правдой автор романа рисует вход конфликта между молодым и старым руководителями колхоза. Жомарт пренебрегает драгоценное качество — чувство нового; Жаппын же довольствуется достигнутым. «Все это огромное хозяйство выросло на его глазах, под его руководством, и потому всякая мелочь казалась полной значающей, смысла, понятного только ему. Он действительно был убежден, что у его колхоза нет недостатков». Жомарт заставляет Жаппина посмотреть новыми глазами на весь уклад жизни в ауле. И если сначала молодой человек казался старому колхознику «обезумевшим львом, который в бессознательном отчаянии кидается на луну», то впоследствии этот же молодой человек подкупает его своей горячий и пылкой мечтой, тем более, что в основе этой мечты лежит учет реальных возможностей социалистического строя.

Нет, не беспочвенные мечтатели, не оторвавшиеся от земли романтики изображены на страницах правдивого, реалистического повествования Габидена Мустафина. И Жомарт, сменявший Жаппина на посту председателя колхоза «Амангельды», и бригадир Баймакан, и дочь Жаппина учительница Жанат, и Алла, жена Жомарта — все эти молодые люди, выросшие в социалистическую эпоху, знают, что в советской действительности нет предела человеческому дарованию, человеческой мечте, что и мечта и дерзание могут найти приложение в действительности. Это понимают и Жаппын и старожилы патриархи в ауле.

Молодой старик Мамет, любящий девушкой, рассуждает так: «Жанат — женщина лучше, все держит умеет... Раньше говорили: девушка достаточно помыслит, а я вот не замечаю, чтобы науки вредила женщине. И если говорить правду, то женщина создана для дома, для мужчины — для поля. Но теперь пришла молодежь и эту поговорку свела на-нет».

Герой романа — живые люди, им свойственны недостатки и ошибки. Не без

внутренней борьбы воспринял Жаппын свое поражение и даже, подав заявление об уходе с поста председателя колхоза, он едет в областной центр для того, чтобы найти там поддержку у старых друзей и обуздать «обезумевшего льва». Но это путешествие еще раз подтвердило, что Жаппын во многом отстал от быстротекущей жизни. Относительно недолгое время находится в отлучке отстраненный от дел в родном колхозе старый Жаппын, но и за это время большие перемены происходят в ауле. Электричество преобразует облик аула, вносит новые качества и явления в колхозную жизнь. В третьей части романа мы видим старика, внимательно изучающего новое, что вошло в колхозную жизнь, и признающего право молодых на руководство в ауле.

Несколько раз на протяжении романа повторяются слова любимой песни молодых героев Габидена Мустафина:

«О мечта, ты как облако, в небе ты, как сокол, стремишься за тобою».

Я, как сокол, стремишься за тобою».

Эту песню поют и Жомарт, и Алла, и Жанат; высокая идея, выраженная в этой песне, наполняет их жизнь большим смыслом, поднимает их и облагораживает. Герои романа — люди, чистые сердцем, благородные и красивые люди. С полненьким читая мы чувствуем, посвященные взаимоотношениям этих трех ровесников, новых интеллигентов в казахском ауле. Тростельная их дружба, одухотворена их любовью. Они помогают друг другу. В атмосфере этой искренней дружбы и светлой любви развивается горе Аллы. Вскоре после выхода замуж за Жомарта она потеряла ребенка. Несчастие не раздало молодую женщину. Друзья, коллектив помогли ей найти радость в любимом ее искусстве. Ее музыкальное произведение получает народное признание. Она выступает на сцене Большого театра в Москве, ее слушает Сталин.

Мы благодарны автору за его тонкое, филигранное мастерство. Габиден Мустафин умеет передавать словами очень многое. Он рисует нам картину колхозного аула, он ведет нас в жилище колхозников. Он умеет и видеть и слышать. Живая человеческая речь дается ему — диалоги его героев оставляют сильное впечатление. Посредством диалога умеет автор передавать характер героя. Есть в романе странички, которые хочется бы назвать философскими, — так богата ими мыслью. Любимые «яшки предложения» членов колхоза «Амангельды». В прозе этого ящика люди описывают записки не только с предложениями, но также с вопросами и жалобами. Специальная комиссия имеет право открывать этот ящик. Писатель рассказывает о его содержании.

«Вот они все шепчут за границей: атом да атом, — а разе у нас нет атома? Есть. Это я говорю. Баймакан».

«Без железной дисциплины работа не будет спориться. Баймакан».

«Если Баймакан не обуздает, на него скоро не будет управы. Манбыен».

«Как донть корову при помощи электричества? Доярки наложили, все время спрашивают меня об атом. Манбыен».

Габиден Мустафин показал нам казахский колхоз в наши дни и людей этого колхоза, строящих новую жизнь, слушающих коммунистическому завтра.

Роман «Миллионер» — большая удача Габидена Мустафина.

Во славу Родины

Алма-Ата — город, весьма удаленный от Москвы. Знойные дни, напоенные запахом садов. Воды, струщиеся у подножья холмов, спорные своим аэлетом с лепестком листвы. Недвижный амфитеатр гор с безопасными вершинами.

Перед нами пейзаж юга — почти идиллический. В каждую, даже самую ненавистную, деталь этого пейзажа вложен труд советского человека. В горах — вьюные снега, и оттуда мчатся бешеные реки, которые укрощает человек, и рядом с мирными садами и белыми домами лежат знойные скалистые степи, которые колхозники превращают в плодородные поля, а в двух часах лета отсюда — среди песка и гор — распростерлось озеро Балхаш, в камышах которого недавно еще водились тигры и где ныне, волею советского человека, выстроен большой и красивый Горный Мель.

Вся эта страна перестроена советским человеком. И в час, когда стало известно, что ковальный враг напал на нашу Родину, советские люди Казахстана, как и люди других республик, оделись в военную форму, чтобы встать на защиту своего мирного труда, своей Родины.

Мирные люди — ополченцы — пошли в поля. Многие из них когда-то давно проходили военную подготовку и теперь были смущены. «Как-то я буду сражаться? Смогу ли?» Это не страх, а ответственность перед Родиной, жажда быть мужественным и отважным, стремление оправдать доверие Родины.

Через два месяца люди, пришедшие в алма-атинский военкомат, уже составили стройную и хорошо слаженную дивизию, которая вскоре получила всеобщую известность, — это была Панфиловская дивизия, породившая бессмертный подвиг 28 панфиловцев, это была дивизия, которая с великой славой защищала Москву.

Книга живущего в Казахстане русского писателя Дм. Снегина «На дальних подступах» с большой силой и убедительностью рассказывает нам об изумительном мужестве этих людей. Их мужество изумительно, по-первому, тем, что оно необыкновенно скромно. Их мужество изумительно, во-вторых, тем, что оно охватывает всю дивизию — от простого солдата до генерала. Генерал Панфилов — русский, удивительной отваги и ума военачальник, рядом с ним бьется пулеметчик — казах Абдулла Джумагалев, умный, смелый, сердечный, все понимающий. Солдаты Иванов и Цыганок спасают оружие. Вблизи от них отважно сражается с врагом бывший школьный учитель, артиллерист Нуркен Аямбеков, мужественный, мудрый человек.

Любовь к Родине рождает в этих людях смелость и военные таланты. Они быстро научились разбираться в сложной военной обстановке, из них каждый — герой, сурово осуждающий любое проявление малодушия.

Комиссар Лисовский, — когда случайно оказавшись в рядах воинов трес обличен и должен понести наказание, — читает перед строем стихи Лермонтова:

Ты умереть не можешь со славою,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омыру я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!

Дм. Снегин. «На дальних подступах». Казахстан. 1948. 236 стр.

Эта глава великодушна! Поэзия, которой проникает книга, здесь приподнимает и расширяет перед нами весь ее замысел. Страница за страницей идет под рассказом о героях. Дивизия в бою под Москвой узнает, что получила звание гвардейской и награждена орденом Красного Знамени. Одно из подразделений дивизии ведет бой с прорвавшимися немецкими танками.

«На самоотельных салазках они тануют за собой противотанковые мины. Саперы возбуждены, ровнешки и почти все, как на подбор, молодцы и по-юношески жгучеразны и веселы. Мы с полнотворком идем вперед, каждый думая о своем».

— Матово вас, — вслух высказываю я свою думу. Политрук вскидывает на меня ясные, голубые глаза, — он признает, обит, а я высок, по трюмам ходить со мной неудобно: вечно голова торчит, — потом на ходу оборачивается на своих саперов и громко, чтоб все слышали, говорит: — Выдержим. На то и гвардия!

Сколько горести в этих словах! Большая часть книги написана от первого лица. Но многое автор передает и в третьем лице. На первый взгляд этот прием может показаться искусственным, разбавляющим впечатление. Но чем больше мы углубляемся в чтение книги, тем сильнее ощущаем закономерность авторского замысла. Скромность, присущая всем советским воинам, не позволяет автору описывать подвиги от первого лица. Отсюда и рассказы от третьего лица, отсюда и убедительность этого приема.

Автор книги — поэт, но он не штирует своих стихов. Нет, он ликует Лермонтов и Абая, великих поэтов, которых с одинаковой силой любит и русский, и казах. Однако, хоть стихов в книге мало, поэзия царствует в ней. Поэзией проникнуты и пейзажи Казахстана, и пейзажи подмосковные, и все чувства людей, приехавших сюда со всех конков страны, чтобы защитить Москву.

Дм. Снегин написал хорошую, правдивую и поэтичную книгу. Мне кажется, что советский читатель должен с нею познакомиться ближе, должен полюбить ее. Конечно, в книге есть недостатки: последние главы, например, нужно расширить, они недостаточно хорошо отредактированы, но все это дело поправимое, тем более, что эта первая прозаическая книга писателя. Я считаю, что Дм. Снегин на большом пути, и его жутко упало еще более крупнее.

Вся обширная страна наша стала поистине нашим домом. Сейчас в Москве продолжает декада казахской литературы. Это десять дней, когда в большом доме, в кругу родных, близкие люди встречаются и делается своими мыслями, мечтами, победами. Свершено много, и будет свершено того больше! Благолюбивая радость труда наполняет наши сердца.

Мы любим свой труд, свою науку, свое искусство, любим свою Родину, потому что она прекрасна благодаря мужеству и отваге, которые вложила в дело строительство своей страны советский народ. И мы любим все те книги, которые искренно и честно рассказывают нам о советских людях. К числу таких книг принадлежит, по моему мнению, книга Дм. Снегина о панфиловцах, о казахах, защитниках Москвы, книга о любви советского человека к своей могучей и славно Отчизне, к своему народу, к партии Ленина — Сталина.

Пушкин и декабристы

«На тебя устремлены глаза России: тебе любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин». — так писал Пушкину один из вождей восстания декабристов — Кандриатий Рылеев — за месяц до выступления на Сенатской площади.

После 14 декабря 1825 года, когда все тайное, связанное с заговором, стало явным, многое предстало перед Пушкиным в новом свете. Раскрылись намеки в письмах, стихах, разговорах декабристов, людей, которых Пушкин называл своими «друзьями, братьями, товарищами». Слова из последнего письма Рылеева, выражающие патристическую гордость лучших людей России именем Пушкина, получили особое звучание. «Будь Поэт и гражданин...» — в этом предсмертном завете Рылеева была для Пушкина программа жизни и творчества в условиях жестокой дикой, огульной полицейской реакции. Через восемь лет, в 1833 году, друг Рылеева — декабрист Александр Бестужев через Николая Полевого напомнил Пушкину о том же: «Скажите ему от меня: ты надежда Руси...»

Стремления, думы, идеи Пушкина были связаны с декабризмом.

Декабрист И. Якушкин говорил, что расхитившись в сотни рукописных копий вольнолюбивые стихи Пушкина «были не только всем известны, но во время не было сколько-нибудь грамотного прописки в армии, который не знал бы наизусть». Агитационное воздействие таких произведений, как «Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня», было исключительно. Нам нет необходимости превеличивать революционный взгляд Пушкина: историю нельзя ни изучать, ни ухудшать. Классовая ограниченность дворянского просветительства, сказавшаяся, например, в те годы в том, что в стихотворении «Деревня» допускался возможность палена рабства «по манью царя». Но сила пушкинской поэзии — в страстном обличении деспотизма и крепостничества, в проникновенном призыве к борьбе против рабства. В оде «Вольность» поэт призывает «разбить вдребезги идиотский мирок», «на тропику поразить порок». В послании «К Чаадаеву» Пушкин разоблачает палани недрезлой молодости, обмен мирной «надежды», «тихой славой» и призывает единственно правильным путь патристическому подвигу во славу родины, путь разрушения «самовластия». В стихотворении «Деревня» он с невысказанной полемической жесткостью противопоставляет друг другу два типа деревенской России: ту, которая казалась принятой «способия, трудов и вдохновения», — другой, о которой сказано словами точными, как в политико-экономическом трактате: барство дикое присвоило себе «и труд, и собственность, и время земледельца». Крепостничество Пушкин называл здесь «субстанцией позором», невыносимым для «друга человечества».

Пушкинские стихи выражали сокровенные чаяния декабристов — дворянских революционеров. Тимашевский Василий Жуковский с ужасом писал Пушкину в 1826 году о ходе следствия по делу декабристов: «В бумагах каждого из действительных выходит стих твои», — и это не было преувеличением. Маршущие передолого молодого поколения отражали и так называемые «железные» поэмы Пушкина, пронизанные протестом против удушающей атмосферы советского общества, стремление к свободе и вольной жизни.

Советское пушкиноведение многое прояснило в истории личных связей Пушкина с декабристами. Документальные архивы, ставшие доступными лишь в советские годы, воспоминания декабристов — все эти материалы полностью подтверждают слова Пушкина в письме к своему другу Вяземскому: «Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков». Не будучи членом тайного общества, Пушкин служил делу декабристов своим творчеством и постоянно находился в сфере их непосредственного идейного влияния.

Пушкина родила с декабристами пламенная любовь к родине, желание видеть ее свободной, вера в могучее созидательные силы русской нации. Едино был и для Пушкина и для декабристов главный источник подема национального самозависания — героическая борьба русского народа против наполеоновского нашествия. «Мы были дети 1812 года», — эти слова декабриста М. И. Муравьева-Анстопа в равной степени относились и к Пушкину, у которого тема двенадцатого года проходила во всем творчестве. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Пушкин и декабристы сходились и в оценке национально-самобытных основ русской культуры. Русская литература должна быть достойна народа, освободившего мир от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходила в стихах и письмах Пушкина и в письмах декабристов. Сама жизнь, героика Отечественной войны — вот что вдохновляло поэта в борьбе за обновление литературы, а не книжные «источки» и «влияния», о которых буржуазные пушкинаны написали сотни книг.

Вечер драматургии Леонида Леонова

В конце мая литературная и театральная общественность Москвы отметит 50-летие писателя Леонида Максимовича Леонова. Всероссийское театральное общество и Центральный дом работников искусств устроили 16 мая вечер, посвященный драматургии Л. Леонова.

Открытие вечера Н. Охлопков охарактеризовал Л. Леонова как выдающегося представителя советской литературы и театра. Выступивший затем О. Леонидов назвал Л. М. Леонова художником большой и суровой требовательности к себе. Эта требовательность, не уменьшившаяся с годами и накопившая писательского опыта и мастерства, учил Леонова необычайной точ-

перед именной культурой, подражая чужим «образам» и пренебрежения золотыми русскими отечественной культуры. Декабристы обличали крепостнические, равнодушные к родной культуре, предпринятых французский язык родному, отставших своих детей на воспитание иностранцам. Александр Бестужев в «Поларной Звезде» высмеивал писателей, которые «выжидали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залезли в тридцатую даль по-немецки». Рылеев в статье «Несколько мыслей о поэзии» осуждал подражательность, как «сверги чуждым мнением». Пушкин писал: «Французская болезнь умертвила б нашу отроческое слово».

Патристы родной страны, ее культуры, декабристы и Пушкин высоко ценили прогрессивные идеи в литературе различных народов. В то время как Байрон своей общепризнательной деятельностью вызывал уважение правящих классов у себя на родине, лучшие люди России уважали его именно за эту деятельность.

По уважению к Байрону, как и к другим первопроходцам мировой литературы, ничего общего с подражательностью: в центре идейно-политической борьбы декабристов была борьба за наиболее полное развитие русской культуры, которые всячески тормозилось самодержавно-крепостнической страной.

Самые принципы новой русской литературы, разработанные Пушкиным на национально-самобытной основе, родились в огромном национальном поэте с декабристами. И эти принципы способствовали все большее расхождению Пушкина с такими людьми, как, например, Вяземский. На эту сторону их отношений литературности как-то не обратили внимания, а между тем здесь имеются вполне определенные факты. «Однажды Пушкин между приятелями вольно русифицировал и громил Запад», — вспоминал Вяземский. «— Это случилось Александру Тургеневу, космополиту по объективному, а частью и по наклонности. Он горячо осуждал мнение Пушкина...» В другом месте Вяземский говорит с упреком по адресу Пушкина: «При всей просвещенной незанятости ума Пушкина, в нем иногда проявлялась патристическая шекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями».

Декабристы утверждали высокую гражданскую роль искусства и значение писателя как вождя общественного мнения. В представлении Рылеева поэт — «ведь гонимых образ», «ему поведом шепки страх», он

На смерть с презрением взрывает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым заживает.

Такое же понимание роли поэта нашло отражение в жизни и творчестве Пушкина, автора «Пророка».

Непрерывное преследования только лишь закаляли его волю, воспитали упорство. Он не сдавал, не отступил. Еще в 1820 году его сослали на юг в наделке, что он «остепенится». Но на юге он сблизился с самыми решительными из декабристов и там написал самые смелые в своих политических стихов («Визнь» и др.). Тогда его сослали в ссылку Михайловскому. Он ответил «Борисом Годуновым», трагедией, в которой с исключительной остротой поставил вопрос о царском деспотизме и решающей силе «мнения народного».

Пушкин никогда не терял ощущения связи идейной связи с декабристами, и те на свои поощенные декабристы сопровождали его всю жизнь. Свидетельство этому — сохраненные на полях рукописей скорбные рисунки висятины с теми же казенными, зарисовка сосланных друзей, послание «В Сибирь», стихотворение «Арион», зашифрованная десятая глава «Бегствия Онегина». Пушкин остался для России одиночеством непреклонно убежденный. Его имя то и дело всплывало в политических процессах двадцатых-тридцатых годов. За ним уславлял назор, его пылали усилить тройной цензурой, его, наконец, произвели в камер-юнкеры, чтобы установить зависимость поэта от двора. Он ответил произведением, где виднее содержание которых было враждебно существующему строю. Его героический творческий путь закончился созданием истории вождя крестьянской революции Пугачева.

После декабрьской катастрофы Пушкин, преодолевая противоречия, шел в понимании исторического процесса не назад, а вперед. Он ставил вопросы, которые не вставали с такой остротой перед декабристами: — о роли народа, о закономерности исторического развития, о преемности государственного строя Западной Европы и Америки. Система капиталистического рабства казалась ему столь же враждебной народу, как и система феодально-крепостническая. Пушкин не видел, по условиям времени, силы, способной обеспечить подлинную свободу. Но он протянул руку Вяземскому — преемнику нового поколения русской общественной мысли.

Гибель Пушкина потрясла декабристов, как потеря ненабленного друга и величайшего национального гения. С глубокой скорбью писал в сибирской ссылке Бюхельбекер об этой страшной потере для русской культуры. Иван Пушкин в письме к товарищу далекой юности Матюшковскому сказал: «... если бы я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь; я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достойного России...» Пушкин до конца остался в глазах декабристов поэтом-товарищем, славой и гордостью России.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Сергей ЛЬВОВ СОВРЕМЕННОК ВХОДИТ В ПОЭЗИЮ

Поэтические сборники Х. Бекхожина, К. Абдыкадырова, Б. Аманжолова, С. Мауленова, Г. Орманова, Т. Жарокова, А. Саренбаева, вышедшие в декаде на русском языке в Москве и Алма-Ата вместе с книгой «Солнечный день», которую издавал Гослитиздат, составляют самую свежую и самую полную антологию современной казахской поэзии на русском языке. Открываешь ее, как драгоценное письмо от друга.

Читателю дороги эти стихи тем, что в них предстает живая действительность чудесного края. Прежде всего перед глазами развертывается пейзаж. Но это не просто описание природы. В стихах, говорящих о прошлом, господствуют образы пустыни. «Бурья, рыжая, истами свелая», — определяет А. Саренбаев свиту и недобрую шапку ее красок. Помертвевшие губами шепчут бешоному молнту путника, застывшему саумом, в его поэме «Пошагылы». Г. Орманов в стихотворении «Разве повершил» воспринимает омыленное чувство бешоности и неопределенности перед слепой и враждебной силой природы. Так пейзаж становится символом беспредельного, темного прошлого.

Совсем иной, светлый и радостный пейзаж возникает в стихотворениях о современности. Поэты не просто живописуют этот пейзаж, они вслушивают запечатленный в нем, преобразуют землю, труд человека.

Для современной казахской девушки равно привычны и свет в колхозных домах, и то, что она, девушка, его проводит. Чтобы ощутить все значение этого, нужно прочитать строки стихов Ж. Саина о прошлом казахской женщины.

Но, к сожалению, далеко еще не во все стихотворениях, показывающих то новое, чего раньше не было на карте, изображены и вдохновенные создатели этого нового. Пейзаж о авелатором в стихотворении С. Мауленова безрадостен. Хотелось бы, чтобы в его стихах были столь же зримы образы людей труда, как образы солдат в его яркой фронтальной лирике. Лишь косвенно присутствуют люди в стихотворении Г. Орманова «Река Ульба»: косвенно, потому что о них говорит река. Говорит словами возвышенными и торжественными, но, как и полагается для реки, превращенной в персонализированный образ, говорит чересчур риторически.

В стихотворении с тонким и требовательным названием: «Время прикалывает», написанном в годы, когда казахская поэзия делала только первые шаги в современном темме, К. Абдыкадыров с омерзительностью, почти жестокой, совершенно справедливо сказал, что воплотить новые темы традиционными условно-риторическими средствами старой восточной поэзии невозможно.

Поэт К. Аманжолов в недавно написанном стихотворении «Акын и шахтер» высмеивает образ старой «возвышенности» поэзии, которая «между звезд слышется по Воедевой». Шахтер обращается к дружескому упреку к поэту, не прославившему до сих пор его героический труд. И поэт отвечает:

Шахтер! Ты прав.
Мой сонный нрав
Не для моей эпохи.
Пусть неплохи
Мои стихи.
Да там ты что-то плохи.
Когда народ
Идет вперед,
То упередил поэты!
Их долг прямой
Ити в забой
Да боевой победы.

К. Аманжолов не упоминает в своем стихотворении имени Маяковского, но внутренняя близость к нему в этих умных и острых стихах бесспорна.

Как бы призывает, как маяк, как пример. Пушкину посвящает свои стихи К. Сатыбайдиев. «Буревождение» — так называется чудесное стихотворение Т. Жарокова, воспевающее пламенную юность Максима Горького. Вольновольно пишет о В. Маяковском А. Тажияев.

Слова Владимира Маяковского «Время, вперед!» Х. Бекхожина поставил эпиграфом к своему стихотворению «Время», — поставил по праву. Читаясь горячие, устремленные вперед строки о народе, создающем коммунизм, о партии, подвигающей себе время, о товарище Сталине, начертанием пути пятилетия, — и в широком ораторском дышании этого стихотворения явно ощущается благотворное влияние Маяковского.

Однако не только пламенная страстность, но также высокая публицистичность составляет традицию русской советской поэзии. Ее отличают пристальное и любовное внимание к герою, реалистическая полнота его изображения. И это все глубже воспринимают казахские поэты.

Знаменательно, что если в стихотворении «Темпр-Тау» Т. Жарокова образ старейшего Алыпбека еще дан схематично, лишь в общих чертах, то теперь автор написал поэму о том же герое, где показывает весь его путь. Живые образы современников создает Х. Бекхожин. Герой одного из его стихотворений шахтер Исхак Иванов ярко показан в труде.

Он в шпекре с друзьями — Исхак, знаменитый шахтер, За русскую хватку «Иваныч» прозванный...

Тема любви и благородности своему старшему брату — русскому народу, великая поэма друзей народов, как основная тема, звучит в стихах казахских поэтов. В стихотворении К. Сатыбайдиева «Русскому народу» возникает высокие образы дружбы, продолжающие образный мир народного эпоса, наполняющие его новым историческим содержанием.

В множестве стихов воспева Москва: строфы ведут читателя по ее площадям и улицам, ликуя, поднимают к Кремлю. Чутким ухом вслушиваются поэты в биение сердца Родины.

Громко бьется оно в Кремле,
С ним растет и крепнет страна,
— пишет Г. Орманов, большой лирический талант которого рождает третью тему и нежные слова любви к Родине и прекрасным советским людям. «Сердцебиение Родины» называет Т. Жароков бой крымцев-

ских курантов. И в самом средоточии этих возобновленных строф возникает слова о партии, о Ленине, о Сталине. Перед глазами казахских поэтов есть неизменный образец — песни Джамбула. Вель песни Джамбула о Сталине и Сталинской Конституции в нашей стране каждый знает со школьной скамьи, они вошли в историю и в сердца, они живут в душе каждого.

О великой сталинской клятве говорит К. Аманжолов:

— Твои аветы, Ленин, не забудем,
И нас враги в бою не победят.
— Мы — легионы. У нас особый
— Мы призваны добыть свободу
людям.

Стихи не в силах клаты передать. Мой голос слаб. Но в мгновение эти Готы позовой Временя назвать И азбукою нового столетия.

Образ великого Сталина — в центре поэмы А. Саренбаева «Бошогаты». Караджам вождя чертит на карте пустыни алые звезды. И большевики нацелили победоносную битву с песками. Там, где по карте прошел караджам, ставя красивые звезды повороток, возникают вышки, электростанция, дома.

Проникнутая чувством высокого патристизма, горячей любви к Родине, казахская поэзия стремится освотить тему разоблачения поджигателей новой войны, подымая гоголо в защиту мира, в защиту неумирающего детства, в защиту свободного труда, вдохновенного, как искусство, и искусства, необходимого, как труд. Можно уж назвать отдельные удачи — это стихи Х. Бекхожина «Моя слава» и «Притче советского гражданина», К. Аманжолова «Поджигателей войны». Однако долг друга — говорить правду. Хочется, чтобы в кинтах казахских поэтов стихов на эту тему было больше, чтобы их г

Единство сил венгерской демократии

15 мая в Венгрии были проведены выборы в парламент. «Венгерский Народный фронт независимости», сказал в связи с выборами Маттас Ракоши, — пролет венгерский трудовой народ, чтобы он одобрил работу, проведенную нами до сих пор, и результаты этой работы, поддержав пятилетний план, одобрил наши усилия, направленные на защиту мира, чтобы он уполномочил нас продолжать начатый нами путь».

И трудовой народ Венгрии ответил 15 мая могучим: «Да!»
С утра 15 мая на избирательных участках выстраивались очереди. К 8 часам на празднично украшенных улицах стали появляться организованные группы. Слышась возгласы, они образовали целое шествие со знаменами, цветами, песнями и музыкой.

С таким же воодушевлением и праздничным настроением шли к избирательным урнам жители провинциальных городов и деревень. Во многих селах к избирательным участкам направлялись целые поезда, состоящие из украинских тракторов и прицепленных к ним телег.

Как и в городах, многие сельские избирательные участки закрыли голосование утром. Почти повсеместно голосование

было закончено уже после полудня. Никто не сомневался в победе. Повсюду слышались возгласы: «Да здравствует Маттас Ракоши!», «Да здравствует Народный фронт!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствуют те, кто обеспечил нам счастливое будущее, — да здравствуют коммунисты, да здравствует партия трудящихся!»

В Будапеште на Площади героев перед зданием Музея изобразительных искусств огромная толпа опровержала заключительную часть программы Армейского ансамбля песни и пляски — кантату о Сталине — долгими несмолкающими аплодисментами и возгласами: «Да здравствует Сталин!»

Имя Сталина в этот день повторили миллионы людей во всех уголках страны. 95,6 процента избирателей голосовали за Народный фронт. Венгерский народ единодушно сплотился вокруг Народного фронта, руководимого Венгерской партией трудящихся.

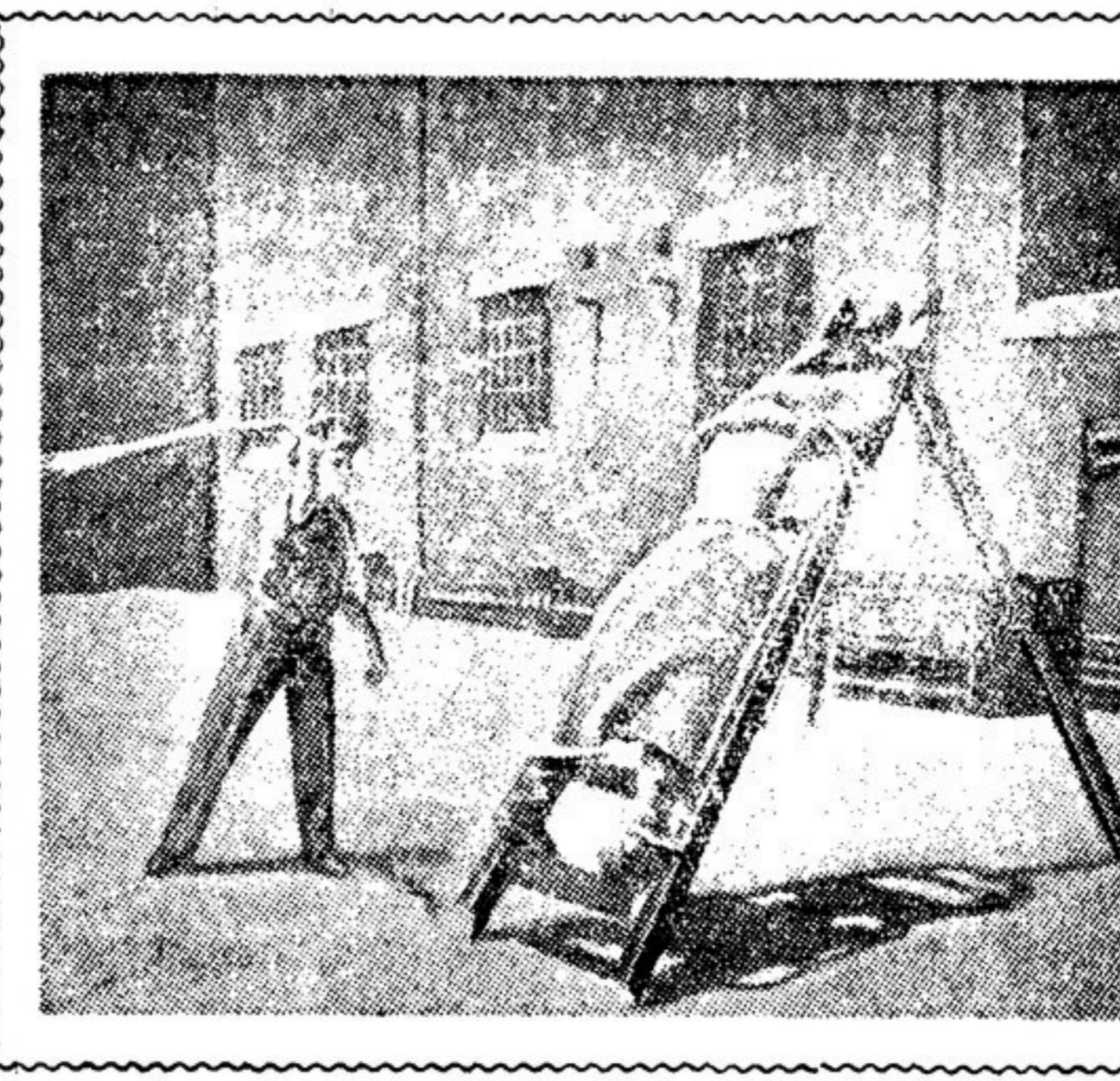
Приближающееся успешное завершение трехлетнего плана показало трудящимся,

что могут коммунисты — «Страна твоя, для себя ее строишь» — претворяется в жизнь. И они знают, что новый пятилетний план откроет перед ними такие перспективы, о каких раньше они не могли и мечтать.

По этому плану в народное хозяйство будет вложено 35 миллиардов форинтов, то есть в пять раз больше капиталовложений, произведенных до 1950 года — до окончания трехлетнего плана. Между тем уже к концу трехлетнего плана, который будет завершен на семь месяцев раньше намеченного срока, жизненный уровень венгерских трудящихся будет в полтора раза выше, чем до войны.

Ни одна партия, кроме коммунистической, не могла предложить венгерскому народу такой программы и повести его по пути такого расцвета. И потому столь единодушно венгерские избиратели голосовали за Народный фронт, возглавляемый Венгерской партией трудящихся, потому с момента освобождения страны день 15 мая стал самым ярким всенародным праздником. Эта победа отражает борьбу и победы народа на протяжении прошедших четырех лет.

БУДАПЕШТ, 17 мая. (По телефону)

Палач по приказу администрации истязает во дворе тюрьмы в Претории (Южная Африка) заключенного. В руках у палача специально употребленные при таких экзекциях пистолет-кошачья лапа — кошачья лапа — которую полагается использовать вместо всего кровавого режима фашизма.

(Описание по английской газете «Дейли Уоркер»)

Гневный обличитель

К столетию со дня рождения Панаса Мирного

Имя Панаса Мирного известно давно, но как следует читатели смогли познакомиться с его творчеством лишь в советское время, когда началось издание собрания сочинений писателя. Исследовательская работа по существу только начинается. Но по мере того, как она движется вперед, образ Панаса Мирного — одного из крупнейших украинских реалистов второй половины XIX века — встает перед нами во всем своем значении.

Говоря о классиках, мы обыкновенно начинаем с их биографии. Нет ничего страннее «внешней» биографии Панаса Мирного — Афанасия Яковлевича Рудченко. Сын мелкого чиновника, он родился в 1849 г. в Миргороде; там же учился на «медные гроши», но в образовании не пошел дальше уездного училища. С 14 лет пришлось ему тянуть чиновничью ляжку. В 1871 г. Рудченко стал бухгалтером Полтавского казначейства. С этих пор он не покидал Полтаву, медленно поднимаясь по бюрократической лестнице к орденам и чинам. Долгое время сослуживцы не подозревали о литературных занятиях своего коллеги.

Первые произведения Панаса Мирного печатались за границей. Псевдоним писателя долго остается тайной для его собратьев по перу. И. Франко и sweep «Очерки истории украинской литературы» характеризовал Афанасия Рудченко — Панаса Мирного как одного из значительнейших украинских прозаиков, мастера по созданию характеров и психологическому и социальному анализу. Но царская цензура не читала историко-литературных очерков, и с Панасом Мирным иногда происходили курьезные недоразумения.

Рудченко дошел до звания «действительного статского советника». Иногда ему приходилось по должности замещать губернатора. Быть может, ему попадались в руки секретные донесения жандармерии о необходимости принять меры к розыску «видного деятеля украинского движения» Рудченко, «кого по фамилии агента называет Рудченко». Агентство знало и о Панасе Мирном, и то, что этот Рудченко-Мирный находится в настоящее время где-то в Полтавской губернии и живет на нелегальном положении. Им неизвестно было только одно, что разыскиваемого лицо занимает одно из первых мест в административном аппарате города Полтавы.

Чинովник и вицундир ни в какой степени не исказил писательской личности Панаса Мирного. Настоящая жизнь его проходила не в канцелярии, а дома. Старший брат Рудченко — Иван, выступавший с критическими статьями под псевдонимом Иван Биляк, был обозорником критического реализма, пропагандистом великих русских реалистов. Под благотворным влиянием русской революционно-демократической мысли и поэзии Т. Шевченко воспитывался и Панас Мирный.

В начале 70-х годов в одном из львовских журналов появилось стихотворение Панаса Мирного «Украина». Молодой писатель начал со стихов, пробовал свои силы в драме, но окончательно нашел себя в прозе. Среди написанного им в 70-80-е годы есть рассказик из жизни чиновника, интеллигентности. И тут сказало влияние великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина. П. Мирный сам рассказывал, что его серия очерков «Как ведется так и живется» имеет своим прообразом «Господ Головлевых».

Однако основным объектом его творчества стало крестьянство — «сельское лихо» — в то пореформенное сокращение, о котором Ленин говорил, как о процессе медленного мучительного вымирания. С потрясающей силой отобразил Панас Мирный в своих романах и повестях страдания и протест обездоленного крестьянского класса. Этому посвящены его произведения: «Потерянная сила» (другое название: «Разное репутация, если жили дайные»), написанные в 1890 году, «Лихо давнишнее и нынешнее» (1897 г.) и «Гулящая» — роман, полностью опубликованный уже после смерти писателя, умершего в 1920 году. Центральным персонажем романа «Потерянная сила» — крестьянин Чинка, с детства страдавший от социальной неправды. Но «Потерянная сила» не только роман о Чинке. Это широкая картина жизни украинского села в пореформенную эпоху.

Как бы продолжением этой книги является роман «Гулящая» («Повня»). Крестьяне расселены села углубляются. Крестьяне бегут из деревни в город в поисках заработка. На селе кулак Грицько Супруненко и шиньар Крачек, в городе — лавочник Загнуба, бывший волостной писарь, мятосторонец Колесник, целый армия чиновников, попов — прислужников капитализма, с которых писатель срывает маски внешней пристойности. В этом странном мире мечется героиня книги, крестьянская девушка Христа. Падая ниже и ниже, она гибнет.

Сила гневного обличения в произведениях Панаса Мирного до сих пор действительна, краски многих созданных писателем образов до сих пор не потускнели. Он понимал, что путь народа к лучшему будущему — это путь борьбы. Под влиянием революции 1905 года он создал поэму в прозе «Сон». Поэма начинается видением счастливой, радостной, свободной жизни человека в обновленной, неразмещенной земле.

Читая Панаса Мирного, мы исполняем еще большей гордостью за наш народ, за великие дела, которые он совершил под руководством большевистской партии и ее великих вождей Ленина и Сталина. Не пропадайте теперь народные силы, не гибнут чудесные женщины, подобные Христа. То, что предчувствовал писатель-демократ Панас Мирный, осуществилось в таких блистательных формах, каких он не мог бы увидеть и в своем словенении. И в осуществление этого он внес свою лепту.

15 мая в Киеве состоялся торжественный вечер, организованный правительственным комитетом по ознаменованию столетия со дня рождения классика украинской литературы Панаса Мирного. Вечер открыл председатель правительственного областного комитета, заместитель председателя Совета Министров Украинской ССР тов. М. Бажан.

Доклад о жизни и творчестве Панаса Мирного сделал действительный член Академии наук Украинской ССР А. Белецкий. Затем выступили писатели — лауреаты Сталинской премии М. Рильский, В. Сосяра и Ю. Яновский.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ГВАРДОВСКИЙ.

СОБЫТИЯ В СИРИИ

За месяц до переворота в Сирии газета «Барад» писала о том, что англо-американские поджигатели войны пойдут на любые авантюры, чтобы заставить Сирию и другие государства Ближнего Востока вступить в союзнический мип арросионий средиземноморский блок. «В настоящее время, — заявляла газета, — стране угрожает опасный заговор, который имеет целью втянуть нас в будущую войну и связать нашу судьбу с англо-американским блоком».

Прогноз прогрессивной сирийской газеты, ныне запрещенной, оправдался. В ночь на 30 марта клан военных заговорщиков, возглавляемых главнокомандующим сирийской армии полковником Хусни аз-Заимом, захватил президентский дворец и правительственные учреждения, распустила парламент, арестовала президента республики, членов правительства и большую группу депутатов. В Дамаске, Алеппо, Хомсе и других городах власть перешла в руки военных.

Демократическая пресса Египта, Ливана и других стран не без оснований рассматривает этот переворот как очередную попытку интриганов, вырвавшуюся на то, чтобы ликвидировать республиканский режим в Сирии, развязав руки военному монархизму и создать новый военно-стратегический плацдарм англо-американских империалистов на Ближнем Востоке.

Для осуществления этих планов англо-американская разведка подобрала вполне подходящую фигуру. Подозвали Хусни аз-Заим известна на Ближнем Востоке своими связями с турецким генеральным штабом, а также особыми симпатиями, которые он питал к гитлеровцам. За услуги, оказанные во время войны фашистскому правительству Визии, он был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Однако хитрый интриган в странах Леванта английский разведчик генерал Эдвард Спирс помог аз-Заиму выйти из тюрьмы и добился предоставления ему важного поста в органах сирийской службы безопасности.

Узурпировав власть, полковник Хусни аз-Заим объявил себя полновластным диктатором. В беседах с корреспондентами он с удовольствием сравнил свою особу с генералом Франко. Он заявил, что «диктатория» является лучшей формой правления, а правительство и парламент — это конституционные выдумки, в которых он не нуждается. Специальным декретом были распущены все прогрессивные партии и организации, установлена строгая цензура, закрыты газеты и клубы, запрещены демонстрации и митинги. Введены новые налоги на население, проводятся мобилизации в армию нескольких тысяч человек, — последователь Франко намерен милитаризировать страну.

Военный диктатор сообщил корреспондентам турецких газет, что он объявляет «беспощадную войну коммунистам» и на «всякий случай» заключит их в концентрационные лагеря. Однако на самом деле террор Хусни аз-Заима направлен не только против коммунистов, но и против всех прогрессивных элементов, против всех лучших представителей народа. Пятьдесят видных демократических деятелей арестованы и препаны сузу военного трибунала. В столице Дамаске в провинциях происходят повальные аресты и обыски. В рабо-

отных английских мастеров сих дел, представители халифитской династии Ирака и Трансjordании развили бурную деятельность.

Иракский премьер-министр Пури Санд поторопился лично прибыть в Дамаск, чтобы выразить «приветельность» Хусни аз-Заиму за свержение республиканского строя и предложить Сирию «связаться» с иракской монархией.

Прямо в ядро выразил суть британских стремлений трансjordанский король Абдулла. Он заявил, что сирийские события являются важной вехой на пути к созданию всеаравийской монархии «Великая Сирия» под его короной, то есть под эгидой Англии. Абдулла считает, что «маленькие страны не имеют права на существование в этом районе земного шара». Он предполагает выехать в Анкару и Лондон для ведения соответствующих переговоров.

Американцы, спохватываясь, что если план Абдулла будет осуществлен, то английские нефтяные монополии смогут безраздельно господствовать в этом районе, в свою очередь стали угрожать Хусни аз-Заиму возглавить всеаравийскую монархию (но, конечно, под эгидой США), присоединив к Сирии Трансjordанию, Ирак, Ливан и арабскую часть Палестины. Надо полагать, что угрозы американцев, подкрепленные соответствующими обещаниями, возымели действие, ибо на днях дамасское радио объявило, что сирийское правительство не против такого объединения при условии, что «Трансjordания составит часть федеральной Сирии».

Однако, как бы ни были велики империалистические противоречия между Англией и США в этом районе, у них есть общая и главная задача — подавить национально-освободительное движение в арабских странах и подчинить их интересам Атлантического союза.

Недавно лондонская газета «Стар» сообщила, что высокопоставленные английские и американские представители в Вашингтоне достигли соглашения о «соединенной политике» на Ближнем Востоке. «США, — пишет газета, — сейчас живо заинтересованы в усилении гарантии безопасности арабских государств...» Первой жертвой американских «гарантий» и «заинтересованности» является Сирия, в результате переворота лишившаяся республиканского строя и последних остатков национальной независимости.

Переворот в Сирии вызвал вполне понятное беспокойство народов Ближнего Востока, расценивших этот поступок, как существенный шаг к созданию военного блока восточно-средиземноморских стран. Ливанский делегат Атнан Табет говорил о трибуны Всемирного конгресса сторонников мира в Париже: «Совершенно очевидно, что заговор против республики является частью военных планов напад угнетателей, но наш народ с помощью всех сил мира сумеет сорвать их планы... Мы должны более активно, чем когда бы то ни было, бороться против фашизма, т. е. против войны».

Такое мнение подавляющего большинства населения арабских стран, народы которых не поддаются на провокации империалистических поджигателей войны,

Г. ОСИПОВ

ДОЛЛАР ТРЕБУЕТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Молодые киноискусство Польши создало правдивый исторический фильм «Последний этап», повествующий о преступлениях гитлеровцев на польской земле.

Полон в Союзенные Штаты, этот фильм сыскал успех у американских зрителей и вызвал весьма симпатичную реакцию со стороны американских деятелей.

Американская кинопрокатная фирма, как сообщает газета «Жизне Варшавы», выразила неосознание с содержанием фильма и обратилась к организациям «Фильм польский» с письмом, в котором предлагает сделать ряд дополнений к картине за «небольшую» плату.

«Мы пришли к выводу, — говорится в письме, — что несколько небольших эротических сцен неизмеримо повывило бы доходы от демонстрации фильма... Симп-

тированы они могут быть в Соединенных Штатах Америки».

В этих сценках американцы предлагают представить дикая насилие гестаповцев над пленными... как «таинные эротические жизни несчастных женщин».

«Только варвары, — пишет «Жизне Варшавы», — которые не знают собственного духовной нищеты, не могут чувствовать, что такое предложение звучит как оскорбление. И эти варвары утверждают, что они «создают прогресс и культуру мира!»

Американских торговцев интересуют только доллары. «Они, — продолжает газета, — осмеиваются утверждать, что до американских зрителей не дойдет правда, что нужно добавить эротик, чтобы обогатить ея путь в массы. Но это ложь.

Миллионы американских зрителей хотят именно правды. Поэтому «Последний этап», как признает сама американская печать, пользовался в Нью-Йорке огромным успехом.

Голос американского народа мы слышали не раз. Он дошел до нас в книгах передовых писателей, он слышался в песнях бастующих портовых рабочих. Голос этот звучал в выступлениях прогрессивных американских деятелей культуры, науки и искусства, которые объединяются с нами в борьбе за прогресс и мир. Голос американского народа мы слышали на Всемирном конгрессе сторонников мира. Этот голос говорит правду. Не заглущит и не ослабит его грубый крик капиталистической рекламы, не искания его фальсификаторы истории, культуры и искусства.

Трудящиеся Англии на голодном пайке

Англия — одна из маршаллизованных стран, где продовольственное положение после окончания войны не только не улучшилось, но, наоборот, непрерывно продолжает ухудшаться. Недавно английское министерство продовольствия обратилось в связи с этим к правительствам доминионов со специальным посланием, в котором, между прочим, указывалось: «Если нынешнее положение с продовольствием продолжится, то существует опасность, что это окажет разрушительное действие на здоровье населения. Нам необходимо все, что вы только можете прислать, и притом срочно!»

Это обращение, выдержанное в необычно для таких документов тоне, весьма симптоматично. Оно весьма ясно характеризует положение в Англии.

Все важнейшие продукты питания в Англию попеременно выдаются по карточкам, причем на человека в месяц приходится около 350 граммов жиров, около 200 граммов сыра, около 900 граммов мяса. Мясо является особенно дефицитным продуктом. По свидетельству швейцарской газеты «Ди вельтхохе», употребление в пищу конского и птичьего мяса стало в Англии явлением повсеместным и весьма обычным. Битнину можно видеть на прилавках лучших магазинов Лондона и других городов. Убой лошадей стал распро-

странен, что министерство сельского хозяйства неоднократно предупреждало фермеров об угрозе полного истребления кошерного поголовья в Англии.

По воскресеньям лондонцы, вооружившись ружьями и канканами, отправляются в пригороды охотиться на диких кроликов, скворцов, дроздов, белок, ежей и хорьков. Это не натуралисты-любители, а трудовой люд, вынужденный хоть как-нибудь пополнить свой голодный паек.

Английские трудящиеся нередко пилют в различные газеты письма, полные то горькой проини, то отчаяния. Так, одна из учащихся хозяйка недавно обратилась в редакцию консервативной газеты «Дейли мей» со следующим письмом: «Чем мне кормить мою семью? Давно не существует яич и бекона, а яичный порошок сейчас почти не возвозится. Порция масла столь мизерна, что их можно рассмотреть только при помощи лупы...» Та же газета поместила высказывание одного из членов парламента, заявлявшего: «Мы переживаем период, представляющий собой нечто среднее между недостатком продовольствия и просто голодом».

Доклад о жизни и творчестве Панаса Мирного сделал действительный член Академии наук Украинской ССР А. Белецкий.